

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова
Екатеринбург

**Ономасиологическая структура слова в свете
показаний языкового сознания**

Народное мировидение, отраженное в языке, ярко проявляется в номинациях объектов конкретных денотативных сфер, описание которых должно дать комплексное представление о внутренней форме языка в гумбольдтовском понимании, т.е. представление о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа. В лингвистике последних лет особо подчеркивается многомерность параметров языковой картины мира: антропоморфичность; отраженный характер вербального означивания, позволяющий говорить о языке как о «смысловом двойнике мира» [Гуревич 1972: 20]; стабильность и изменчивость; способность языковой картины мира отображать реальное и ирреальное ментальные пространства [Петренко 1997; Гак 1998]; национально-культурная обусловленность, проявляющаяся в специфике вербальных образов, метафор и символов [Лосев 1995; Телия 1996]; универсальность и специфичность ономасиологических ориентиров в языковой картине мира в целом и в частных ее фрагментах [Рут 1987, 1992; Вендина 1998; Березович 2000]. Отмеченные параметры языковой картины мира предполагают возможность обращения к различным характеристикам этого феномена, существенным для выявления интерпретационной вариативности языка в членении внеязыковой действительности. Учитывая сказанное, можно отметить следующие методологически значимые для описания языковой картины мира и отдельных ее фрагментов подходы:

1. Прагматико-функциональное исследование смыслового наполнения номинативных единиц, описывающих определенное денотативное пространство: достоверность языковой картины мира обусловлена ориентацией ее создателя на отражение объективных характеристик окружающей внеязыковой действительности и прагматически значимой для индивидуума и социума рациональной и эмоциональной оценкой означаемого.

2. Системно-структурное описание единиц, составляющих определенные семантические общности: целостность языковой

картины мира в совокупности всех фрагментов достигается ее системностью (иерархичностью, наличием разного рода смысловых и формальных оппозиций, ядерно-периферийной организацией номинативного континуума; взаимообусловленностью всех элементов номинируемого денотативного пространства в сознании носителей языка).

3. Динамический подход к описанию языковой картины мира: диалектическое единство статики и динамики языковой картины мира заключается в наличии константных, ядерных компонентов создаваемой модели и интерпретационного, вариативного компонента, связанного с изменчивостью ментальных стереотипов и языковых форм их выражения в пространстве и времени.

4. Лингвокультурологический подход к анализу содержательной структуры единиц семантических общностей, организующих фрагменты языковой картины мира: базовым при таком подходе является понятие культурной коннотации - «интерпретации денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. В этнокультурную коннотацию включается широкая информация, связанная с мифологическими и религиозными воззрениями народа, с традиционными обрядами и ритуалами, народным календарем природы. Такая информация может фиксироваться не только внутренней формой наименований определенной семантической общности, но и народной идиоматикой, фольклорными текстами, этикетными ритуальными формулами, а также контекстами, спонтанно выявляющими «показания языкового сознания» говорящих [Блинова 1989].

5. Когнитивно-ономасиологический подход к описанию языковой картины мира в ее фрагментах, который ориентирован на мотивационные и номинативные модели, воплощающие во внутренней форме названий определенного класса информацию об обозначаемых объектах. Особым аспектом при таком подходе к описанию языковой картины мира должно стать выявление причин вариативности номинации и особенностей восприятия («считывания») информации через внутреннюю форму слова. Вопреки мнению о том, что мотивация не значима для функционирования слова, что в процессе употребления

стирается «образ», положенный в основу наименования, исследования синхронного восприятия внутренней формы показывают, что мотивированность небезразлична для носителей языка. По сути дела именно осознание внутренней формы слова, мотивационная рефлексия есть одно из генетически заданных направлений актуализации представлений об обозначаемом.

Возможность выявления специфики традиционного народного мировидения дает исследование типов ономазиологических структур в аспекте их когнитивной ориентации и роли внутренней формы наименования в трансляции этого когнитивного базиса (с учетом воздействия внутренней формы наименования на восприятие свойств обозначаемого).

Под **ономазиологической структурой** мы понимаем «совокупность существующих в системе языка моделей номинации, с разной степенью абстракции воплощающих представления говорящих о возможностях обозначения объектов определенного класса. Ономазиологическая структура включает в себя представления о возможных принципах номинации, средствах номинации и способах номинации» [Гридина 1982: 32].

Так, **принцип номинации** отражает типовые основания для обозначения объектов определенного класса (см., например, типовые для класса растений принципы номинации по запаху, цвету, вкусу, целебным свойствам; типовые для обозначения демонологических персонажей принципы номинации по месту обитания, специфическим действиям, времени появления и т.п.); типовые **средства номинации** «показывают, с помощью каких конкретных языковых средств наиболее регулярно обозначаются объекты разных классов при установке называющего на определенные принципы номинации» [Гридина 1982: 32]; **способ номинации** представляет собой механизм воплощения мотивировочного признака прямым или опосредованным (метафорическим или метонимическим) способами. Эти механизмы также в известной степени основываются на существующих в сознании номинатора «стереотипах ... ассоциативного соотнесения какого-либо признака называемого типа объектов с конкретным названием» [Гридина 1982: 32].

Ономазиологическая структура, таким образом, представляет собой многокомпонентное образование, содержащее как кон-

стантные, так и вариативные параметры потенциального означивания объектов определенного денотативного класса. Ономасиологическая структура включает в себе знание о свойствах объекта, что определяет выбор мотивировочного признака и принципа номинации, знание о принятых в данной номинативной системе средствах и способах воплощения мотивировочного признака.

Ономасиологические структуры, выступая своего рода моделями-стереотипами «обеспечивают известный автоматизм процесса номинации, выступая в качестве его ориентирующих статических компонентов. Наличие таких моделей позволяет во многих случаях предсказать возможность выбора наименования того или иного типа. Однако, если мы хотим постичь функционирование моделей в живом языковом общении, иначе их реализации, если мы хотим объяснить появление конкретного наименования, необходимо в каждом отдельном случае опираться на специальный ономасиологический контекст, который предшествует возникновению данной номинативной единицы, является ее смысловой и материальной базой» [Гридина 1982: 32-33]. Базовым компонентом воплощенной (реализованной) ономасиологической структуры конкретного наименования, безусловно, является внутренняя форма слова, которая может быть рассмотрена как когнитивная составляющая восприятия информации об обозначаемом. Отражая специфику воплощения мотивировочных признаков определенного класса объектов в языковой картине мира, внутренняя форма одновременно выступает и как источник возможных вариативных интерпретаций связи между признаком, положенным в основу наименования, и свойствами обозначаемого объекта, возникающих в процессе функционирования мотивированного слова, его синхронном осмыслении носителями языка (диалекта). В этом плане интересны мотивационные контексты, «объясняющие» происхождение названия, отражающие динамику языкового сознания и позволяющие выявить причины интерпретационной вариативности восприятия внутренней формы слова [см. об этом: Гридина, Коновалова 2001].

Мотивационные контексты, порождаемые спонтанно или спровоцированные информатором в ситуации объяснения (тол-

кования) фитонима диалектоносителями, есть свидетельство того, что толкование названия через его внутреннюю форму можно считать когнитивной процедурой, так как через «прочтение» внутренней формы говорящий обнаруживает собственное понимание мотива номинации. При этом интерпретатор опирается, во-первых, на знания о свойствах обозначаемого; во-вторых, на знания о функционировании слова в соответствующей системе номинаций, например, знание о наличии синонимов, номинативных вариантов, дублетов, гиперонимов и гипонимов в конкретной лексико-семантической системе (микросистеме); в-третьих, на знания о принципах номинации определенного рода реалий, принятых в соответствующей этнокультурной среде.

В качестве гипотезы выскажем предположение о том, что код внутренней формы в плане его считываемости современными носителями языка (диалекта) зависит не только от «прозрачности» мотивировочного признака, но и от актуальности (операциональности) соответствующих ономазиологических структур в номинативной системе и в выражении национально-культурных констант ЯКМ, отраженных в языковом сознании народа. «Инструментом» верификации высказанного предположения могут стать метаязыковые контексты, свидетельствующие о характере восприятия мотивированности наименования носителями языка (диалекта). Репрезентативным материалом для такого анализа представляются диалектные номинации из сферы лексики традиционной крестьянской культуры: народные названия растений, болезней, обрядов и праздников, бытовых реалий (материал почерпнут из Словаря народных названий растений Урала [Коновалова 2000] и записей речи носителей среднеуральских говоров, произведенных авторами данной статьи в полевых экспедиционных условиях).

Проанализированные нами мотивационные контексты позволяют выделить несколько типов ономазиологических структур в аспекте их когнитивной ориентации:

1. Ономазиологические структуры, представляющие знания об объекте номинации в **метафорическом** «образе» (через метафорический мотиватор). Подобные номинации могут актуализировать при восприятии названия представление о разных

признаках обозначаемого, соотносительных с одним и тем же образом, отраженным внутренней формой слова. Так, название растения *щучка* интерпретируется на основе двух разных мотивационных контекстов в соответствии с принципом номинации по цвету (*щучка рябенка травка*) и по месту произрастания (*где волгло любит*). Оба мотивационных признака соответствуют метафорическому образу, заключенному во внутренней форме слова, «покрываются» им (ср. ‘растение, похожее по цвету листьев на цвет чешуи щуки’ и ‘растение, которое, подобно рыбе = щуке, любит воду’).

Ярким примером наполнения таких ономаσιологических структур является модель представления болезней в традиционной народной культуре преимущественно в антропоморфном (чаще всего в виде женщины) или зооморфном облике (в виде собаки, кошки, свиньи, птицы, гадов и т.п.). Например, *Глухья, Огня, Ломя, Тряся* и др. – названия болезней, представленные в виде имен ‘сестер-лихорадок, насылающих на человека болезнь, симптом которой обозначен внутренней формой имени’. Метаязыковые контексты, зафиксированные в речи диалектоносителей, отражают «мифологический» ракурс мотивации антропоморфного образа болезни: *Это как лихоманки бы, бабы таки зловредны, нападут и тресут всего, в жар кидат, ли иссушиват, дак надо сказать (баушка меня учила) «заря-зарница, красна девица, избавь раба божия (имя рек) от Матухи, от Знобухи, от Тресеи, от Ломеи, от Огней, от Глухеи, от Марии Иродовны и от всех двенадцати девиц тресовиц»*.

Ср. также ономаσιологическую модель представления болезни в зооморфном образе: *грудная жаба* ‘болезнь, причиной которой якобы является проникновение жабы в тело человека во время питья из открытого водоема’. Мифологические реликты осознания внутренней формы данной зооморфной номинации отражают записанные от диалектоносителей метаконтексты: *С нутра выгоняют жабу-ту, котора холодна, скользка, с водой прокралася в нутро-то, не заметил, пить охота дак. Кто высидит, дак вылечитса, еслиф она выползет, а нет - дак ешишо боле зеленой станет*.

2. Ономаσιологические структуры, допускающие **двоякое - метафорическое и метонимическое** – осмысление мотива но-

минации. Например, внутренняя форма фитонима *ястребинка* интерпретируется носителями диалекта на основе принципа номинации растений по их целебным свойствам: *Этой естребинкой скотине глаза ладят* ('растение используется для лечения глазных болезней'). Ономасиологическая структура наименования фиксирует знание о лечебном эффекте использования растения через образное представление признака 'улучшать зрение, делать зрение таким же хорошим, как у ястреба'. Другая интерпретация внутренней формы фитонима *ястребинка* основана на метонимической связи: растение это якобы 'занесено на луга ястребами, которые им питаются и от этого имеют отличное зрение'. Отсюда выводится представление о полезном воздействии растения на зрение. Отношения между признаками 'корм для ястребов' - 'ястребиная зоркость' осмысляются как причинно-следственные. Вопрос о том, какая мотивационная версия соответствует исходной, однозначно решить трудно, ибо оба направления интерпретации внутренней формы соотносительны с существующими в русском языке принципами номинации растений.

3. Ономасиологические структуры, допускающие **равновесное отобъектное** (рациональное) **объяснение связи названия со свойствами обозначаемого ввиду многозначности использованного при номинации лексического мотиватора**. В качестве примера приведем контексты, объясняющие мотивационный признак, положенный в основу фитонима *яснотка*: *Глаза ясноткой промывают от гною // Яснотка, потому что в ясных местах любит расти*. В первом случае мотиватор 'ясный' воспринимается в значении 'здоровый, чистый' (применительно к глазам, зрению) и соответственно соотносится при осмыслении внутренней формы фитонима с принципом номинации растений по их использованию в лечебных целях; во втором случае мотиватор 'ясный' воспринимается в значении 'чистое, открытое пространство', что позволяет носителю языка (диалекта) актуализировать свои знания (представления) об объекте на основе принципа номинации травы по месту ее произрастания. Ср. также функциональную множественность использования в народной медицине, в магии, в бытовых ритуалах *выворотня* 'дерева, вырванного с корнями бурей'. Считалось, что

выворотень - знак действия нечистой силы, поэтому использование такого дерева в домашнем хозяйстве может привести к разным несчастьям, поскольку нечисть так же перевернет все в доме и в судьбе. С другой стороны, с помощью выворотня можно было избавиться от болезней, порчи, сглаза 'вывернуть боль', 'вернуть мужа если его кто своротил' и т.п. Такие разные действия осмысляются по связи с разными значениями лексического мотиватора названия ритуального дерева *вывернуть(ся)*: 'вынуть, крутя', 'перевернуть внутренней стороной наружу', 'ловко повернувшись, выскользнуть, освободиться'.

4. Ономасиологические структуры, истолкование которых связано с забвением исходного мотива номинации, что приводит к реинтерпретации внутренней формы названия носителями языка (диалекта).

Такому переосмыслению подвергаются в частности названия, изначально связанные с сакральными мотивами номинации (при сохранении прозрачной внутренней формы происходит ее десакрализация: сакральный мотив номинации, как правило, сводится к профанному (утилитарному) восприятию свойств обозначаемого объекта).

Так, ономасиологическая структура фитонима *юрьева роса* изначально фиксирует сакральный мотив номинации растений, с которых собирали росу в день святого Георгия (Юрия), вследствие чего эта роса считалась целебной; по метонимическому принципу целебные свойства *юрьевой* росы переносятся на растения, получающие соответствующую номинацию. В сознании современных диалектоносителей фитоним *юрьева роса* соотносится с положительной утилитарной оценкой свойств весенней травы, идущей на корм скоту. Когнитивный процесс осмысления мотивации названия можно представить в виде связи признаков 'трава, собираемая весной (в Юрьев день), - молодая, сочная, полезная для скота'; актуализация связи названия с лексическим мотиватором *Юрьев день* по причине забвения обряда сбора росы получает уже не сакральную, а хронологическую привязку, указывая на время появления первой весенней травы. О десакрализации названия свидетельствуют многочисленные контексты, в которых оно употребляется в утилитарно-прагматическом смысле: *Первый раз на поскотину выгоням, ко-*

гда юрьева роса с-под снега вылазит // Юрьева роса на Юрьев день поевлется.

Другим примером такого рода ономасиологических структур может быть название обряда *ряжения*, первоначально означавшего ‘установление другого порядка путем перехода действующего лица из одного ряда (статуса) в другой с использованием приемов изменения внешнего вида, в частности переодевания’. Обряд считался греховным, после его окончания исполнители должны были пройти обряд очищения. Замена изначальной связи *ряжение - ряд* ‘порядок’ более актуальной для современного языкового сознания ассоциативной связкой *ряжение - наряжаться* демонстрирует реинтерпретацию сакрального мотива номинации, закрепленного во внутренней форме названия обряда.

Еще одним направлением нового наполнения ономасиологических структур при объяснении «неясного» говорящему мотиву наименования является его ложноэтимологическая реинтерпретация (парадоксальная, рациональная или эмоционально-экспрессивно-оценочная (см. выделение данных типов народной этимологии в: [Гридина 1989]). Так, диалектный фитоним *буявник*, собир. о сочной траве, исконно мотивированный прилагательным *буявый* «сырой, влажный, мокрый, сочный» [Даль] (от *буяти* «пышно расти, разрастаться»), воспринимается современными диалектоносителями как связанный с *буйный* в значении «неистовый», «непокорный» (в результате формального сближения с *буявый* и эмоционально-экспрессивно-оценочного ложноэтимологического переосмысления внутренней формы: первичная мотивация по месту произрастания и интенсивности роста и сочности травы затемняется и уступает место мотивации по характеру негативного воздействия травы на поведение животных, в частности на лошадей): *Это травка така, от ее кони буйны делаютца*. Ложноэтимологическая ремотивация на приводит в данном случае к реноминации, допуская новое формально-семантическое «прочтение» первичной ономасиологической структуры (ср. *буявый + ник* и *буйный + явник*).

Показательны в плане ложноэтимологического переосмысления варианты диалектных фитонимов *василистник / висилистник*, используемые для номинации растения *Thalictrum minus*

(в научной номенклатуре *василистник малый*); ввиду неясности внутренней формы *василистник* переименовывается в *висилистник* (по формально-семантическому сближению с *висеть*). Данный ложноэтимологический мотиватор соответствует особенностям внешнего вида этого лугового травянистого растения - с длинным гладким стеблем, перистыми листьями, зеленовато-красными цветками со свисающими тонкими тычинками-«усами».

Другое ложноэтимологическое объяснение мотивированности названия *василистник*, зафиксированное нами в речи диалектоносителей, основано на сближении с именем Вася (Васька) как распространенной кличкой котом: *Кошки едят для чего, вот и Васькин листик*. В последнем примере происходит и перестройка ономазиологической структуры: преобразование номинации из однословной в двусловную.

5. Потенциально вариативные ономазиологические структуры, фиксирующие свойства обозначаемого посредством лексического мотиватора, допускающего равновероятную замену синонимичным эквивалентом. Контексты, отражающие мотивационную рефлексию говорящих над внутренней формой таких наименований, нередко содержат этот потенциальный «эквивалент» или номинативный вариант, представленный в системе названий соответствующей лексико-семантической системы. Например, *юбочка* – ‘колокольчик’: *Юбочкой называют, он дудочкой висит*. Внутренняя форма фитонима *юбочка* осмыслена через потенциальный номинативный эквивалент (*дудочка*), отражающий признак обозначаемого через ассоциативно соотносительный образ (ср. мотивационные значения ‘цветок, похожий по форме на юбочку’ - ‘цветок, похожий на дудочку’). Актуализация «смежного» образа при восприятии внутренней формы названий растений отражается мотивационными контекстами, в которых представлены синонимичные фитонимические номинации (наряду с актуализацией использованных при обозначении растений мотиваторов). Например: *Щелкуха*. См. *Хлопчики*. *Щелкухой ребята все забавляются, она так сильно щелкат, как словно бы хлопушки // Шишэлкуху ешию хлопчиком зовут: когда цветок срываи, он шишолкат*. Актуализация подобных синонимических отношений при интерпретации мотиватора

вированности наименования есть отражение когнитивного опыта говорящих, основанного на способности представлять и опознавать один и тот же признак обозначаемого через разные «образы», ощущения, эмоции. Так, в данном случае наличие в уральских говорах фитонимов *щелкуха* и *хлопчики* для обозначения одного и того же растения и одновременная актуализация их внутренней формы в приведенных мотивационных контекстах свидетельствует о закреплённости в языковом сознании диалектоносителя разных «звукообразов», соотносительных с одним и тем же мотивировочным признаком ('характерная реакция растения на внешние раздражители'). Ср. также широкие вариативные ряды для обозначения демонологического персонажа, живущего в доме. Принцип номинации по месту обитания представлен несколькими конкретизирующими моделями: *домовой, подпечник, запечник, голбешиник, подполяник, подшесток* и др.

Перечисленные типы ономаσιологических структур, безусловно, не исчерпывают всех аспектов возможной интерпретации и вариативности восприятия мотивированного наименования. Однако, как нам представляется, анализ предложенных типов подтверждает мысль о познавательной направленности номинативного акта. Определение ономаσιологической структуры, таким образом, закономерно включает в себя понятие когнитивного базиса – типа знания об объекте номинации, которое именно в рамках определенной номинативной техники получает свое воплощение. По сути, восприятие внутренней формы есть именно осознание мотива, несущего в себе актуальную для говорящих информацию об обозначаемом. Корреляция этих знаний со способами их представления в номинативной системе конкретного языка носит вариативный характер, что уже изначально задает интерпретационную многомерность внутренней формы слова в аспекте ее восприятия.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000.

Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // *Язык и личность.* – Томск, 1989.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Гридина Т.А. О моделировании ономастической лексики // Слово в системных отношениях. – Свердловск, 1982.

Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии: уч. пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1989.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Внутренняя форма слова как отражение языкового сознания интерпретатора: мотивационная вариативность ономаσιологических структур // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб, 2001.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1995.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Смоленск, 1997.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1992.

Рут М.Э. Русская народная астронимия. – Свердловск, 1987.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

©Гридина Т.А., 2008

©Коновалова Н.И., 2008